

СОЦИОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

М.В. Синютин

ИНСТИТУТ МАФИИ — ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ*

Статья является попыткой социологического объяснения природы мафии. Анализируя историю организованной преступности в Италии, США, Японии и России в течение последнего столетия, автор выявляет картину глобального процесса институционализации частной протекции экономических транзакций. Появление и развитие института мафии зависит от многочисленных комбинаций различных тенденций в современной экономике. Перспективы данного явления определяются эволюцией государственности и режима собственности.

In this antique garden, Michael Corleone learned about the roots from which his father grew. That the word «Mafia» had originally meant place of refuge. Then it became the name for the secret organization that sprang up to fight against the rulers who had crushed the country and its people for centuries.

Mario Puzo. The Godfather

В последнее время в лексикон россиян прочно вошло слово «мафия».** Ранее ассоциировавшееся с криминальным миром Италии и США, те-

* Работа подготовлена при поддержке USIA в рамках программы JFDP на базе Университета Канзаса (Лоренс, США). Автор выражает признательность профессору Роберто Антонио за полезные дискуссии, в которых зародилась идея данной статьи.

** Этимология слова мафия не ясна однозначно. Определенно известно лишь то, что появилось это слово в обиходе во второй половине XIX в. Существует версия, что в 1863 г. была популярна пьеса Пласидо Ризотто «I Mafiusi della Vicaria», где «мафиози» называлась группа заключенных с разными типами поведения, стремящихся влиять на политическую и административную систему Сицилии. Официально слово «мафия» впервые появилось в отчете об одном аресте в поселке Карина под Палермо в 1865 г.

перь оно характеризует чуть ли не образ ведения дел во всех сферах отечественной экономики. Это понятие настолько обросло легендами и вымыслами, что пора обратиться к научным решениям данной проблемы.

Цель работы — развернуть существо проблемы, не ограничиваясь анализом одних дефиниций. Для начала рассмотрим самые общие, абстрактные суждения о мафии современных ученых и политиков, а затем обратимся к конкретным развернутым характеристикам изучаемого явления. Последующая логика исследования будет состоять в выяснении генезиса, функций, структуры и эволюции мафии на ее «классической» родине, в Италии, с дальнейшим выявлением аналогичных тенденций и закономерностей в других странах, с таким расчетом, чтобы определить общее и особенное в природе данного института. Для выявления необходимых характеристик мафии предстоит проследить ее развитие в США, Японии, России и на международном уровне.

Определение понятия

Раймондо Катанзаро [1, р. 18] допускает многозначность толкования мафии. Если исходить из целей, к которым она стремится, мафия — это экономическое и политическое господство. С точки зрения внутренней структуры, мафия — это неформальная организация, набор группировок. Относительно своей культуры, мафия — это психология уважения. Если же иметь в виду средства достижения своих целей, мафия — практика насилия. Но все эти толкования не ведут к целостному определению. Весьма распространен подход к мафии в плане ее деятельности, образа поведения, метода действий [2; 3, с. 119-142]. Подобный взгляд покоится на отрицании за мафией формальной организации. В реальности существуют якобы лишь отдельные лица, мафиози, выступающие носителями социально определенного понятия о мужской чести как способности заставить уважать себя, отвечая силой на причиненный ущерб. В таком случае исследователь фокусируется на присущих мафиозному поведению качествах жестокости, таинственности, церемониальности, символизации. Но стремление найти логику мафиозных методов действия ведет к выявлению их сущности. А существенной чертой мафиозо, проявляющейся в разнообразных формах поведения, выступает вид получения дохода, способ эксплуатации. Специфика мафиозного вида извлечения дохода может раскрываться по-разному. Широко признана концепция мафии как организованной деятельности по предоставлению протекции. Развивая эту концепцию, Диего Гамбетта утверждает, «что мафия является специфическим экономическим предприятием, индустрией, которая производит, поощряет и продает частную протекцию» [4, р. 1]. Здесь речь идет о группах, которые активно действуют в индустрии протекции под признанной маркой, признают друг друга как законные поставщики мафиозной протекции и успешно препятствуют неправомерному использованию своей марки другими. Марка, как правило, характеризуется ясно обозначенной этничностью, ритуальностью и именем. Стать членом мафии значит подписать контракт с определенной

группой. Мафия не может действовать как определенный вид индустрии, не создав для этого подходящей организации. И если Пино Арлакки подчеркивал неорганизованность мафии, то многие придерживаются противоположной позиции, полагая, что это предельно дисциплинированная организация. Последняя точка зрения может либо рисовать такую преступную группу в виде бюрократической иерархической структуры с рациональными целями, формальными правилами и специализацией ролей и функций, либо представлять ее системой традиционных патриархальных связей (родство, патронаж).

Все эти определения мафии сходятся в одном, в том, что она имеет отношение к организованной преступности. Но дальнейшие уточнения наглядно демонстрируют лишь понимание многогранности явления и проблематичность подведения его под общее понятие. Определение, данное немецкими правоохранительными органами в начале 1990-х гг.,* характеризует организованную преступность как деяния, имеющие повышенное значение, содержащие взаимодействие не менее двух лиц, направленные на получение дохода или достижение власти, заключающиеся в планомерном совершении преступления и для этого предполагающие использование промышленных и деловых структур, применение власти для запугивания, а также влияние на политику, экономику, правосудие, общественную администрацию и средства массовой информации. Голландская разведывательная служба определяет организованную преступность как иерархическую структуру, построенную на внутренней поддержке и санкциях, длительный срок занимающуюся отмыванием денег, коррупцией и подкупом чиновников, вовлечением в нелегальный бизнес, структуру, скрытую за некоторыми компаниями и жестокую к конкурентам [5].

Как видно, проблема организованной преступности содержит те же трудности, что и проблема мафии. Что это — вид деятельности или тип организации? Правильный ответ должен представить эти явления как организацию деятельности, как организованную деятельность. Однако этого не достаточно, поскольку можно, как Клаус фон Лампе, признавать организованность преступных деяний, но отрицать их единую взаимосвязь или онтологическую сущность [6] и считать ее лишь символом, не имеющим своего социального содержания. Социолог должен увидеть и исследовать мафию как группу людей, выявив те отношения, которые делают их такой группой.** Еще Макс Вебер, рассматривая неаполитан-

* Anlage E. Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren in der ab 01.05.1991 bundeseinheitlich geltenden Fassung. Gemeinsame Arbeitsgruppe Justiz/Polizei.

** Одинаково ошибочно как провозглашать мафию формализованной бюрократической организацией [7], так и сводить отношения, образующие ее, к набору поведенческих норм. Последнее заблуждение обыкновенно вытекает из поверхностного понимания категории «институт» и заканчивается подведением под нее всякого устойчивого человеческого поведения. Результатом служит распространение бесчисленного множества институциональных форм и соответствующих им терминов. Для примера достаточно назвать понятия «силовое предпринимательство» и «силовое партнерство» [8, с. 56-65].

ский вариант мафии, каморру, исходил из ее определенности в качестве общественной группы [9, p. 903].

Порядок организации мафиозных групп говорит в пользу того, что это социальный институт, представляющий собой один из видов организованной преступности. А институт предполагает, в первую очередь, большую группу людей, организованную едиными правилами помимо воли участников [9, p. 1380]. И в этом качестве мафия выполняет социальную функцию, поскольку соединяет в своей деятельности объективно необходимые общественные интересы. Теоретически допустима ситуация, когда такой институт будет легитимно существовать и выполнять свои функции, а значит, не будет являться организованной преступностью. Однако ни одно государство не допустит выполнения подобных функций частными организациями (т.е. не легализует данную форму дохода), так как обеспечение гарантий — неотъемлемая часть сущности самого государства.

Проблема определения мафии состоит еще и в том, насколько правомерно ее унифицировать и отрывать от исторического и культурного контекста.

Социально-исторические корни

Мафия исторически была южноитальянским явлением, связанным с эволюцией аграрного и политического строя.

В XIV-XVIII вв. на Сицилии происходило укрупнение земельной собственности и сельских поселений. При этом связи между селами ослабевали, рынки концентрировались в городах, куда перебирались и собственники земли. Господство землевладельцев над аграрными рабочими усугублялось технологической неразвитостью. Но императив капиталистического развития вовлекал землевладельцев в рыночные отношения и требовал институциональных регуляторов. Долгое время царившая политика испанских Габсбургов («разделяй и властвуй») создала атмосферу недоверия, что сказалось на привычках людей полагаться лишь на родственников и близких друзей. К тому же сицилийцы, имея дело с правосудием, традиционно прибегали к частной посреднической помощи, не доверяя административной власти. А в условиях многочисленных общественных изменений и нарушений привычных связей права сельскохозяйственных субъектов оказались незащищенными. Общество удовлетворило эту потребность в лице управляющих и службы охраны феодальной земельной собственности — демобилизовавшихся гарибальдийцев, бандитов и бывших заключенных. Именно доверие гражданами протекции своей собственности стало, по мнению Раймондо Катанзаро, решающим моментом роста мафии. Люди стремились к таким гарантиям, которые бы знали, уважали и которых бы остерегались потенциальные бандиты или все те, кто представляет угрозу их собственности.

Политическая борьба в Италии привела в XIX в. к отмене феодализма и объединению страны. Видимо, противоречие между новыми буржуаз-

ными порядками и старыми интересами помещного землевладения, проникшими в эти порядки, привело к возникновению коррумпированной бюрократии. Считается, что это ослабило государственный суверенитет и обеспечило проникновение мафии в политическую систему. Государственная власть стала прикрытием для практики частной протекции. «Утилизация мафиозной власти государственной властью свидетельствует о том факте, что феномен мафиозо должен быть обеспечен структурой системы альянсов между социальными классами и политическими интересами на местном уровне, но для выживания и успеха он должен идти дальше местной политической системы и утвердиться в обстановке, созданной национальными политическими балансами» [1, р. 99].

Резюмируя обзор исторических предпосылок появления мафии, Диего Гамбетта [4, р. 83] счел нужным указать на конфликт по поводу аграрных ресурсов, мобильность экономического богатства, множественность рыночных транзакций и политические противоречия в среде местных фракций. Все это свидетельствовало о широкой трансформации общественного устройства. Но нельзя думать о мафии лишь как о пережитках докапиталистического (феодалного) общества, порочащих чистоту капитализма. Появление мафии происходит параллельно капиталистическому развитию и непосредственно связано с формированием его основ. Это явление переходного общества, реагирующее на все перипетии этого периода. Поскольку в Италии мафия распространялась и развивалась неравномерно, нельзя судить о ней исходя из особенностей какого-то отдельного этапа.

В течение XX в. происходили перемены как в самом итальянском обществе в целом, так и в мафиозных группах. Сильное влияние оказали рост образования и просвещения, подъем культурной и политической сферы, прогресс хозяйства и эмиграция. Трансформировались устаревшие методы управления и формы принуждения. Стали открываться рабочие места в новых секторах экономики. В национальной культуре интенсивно менялись коллективные ценности, потребительские привычки, возможности социального действия. Традиционные агрессивные методы мафиозной деятельности стали терять прежнюю эффективность. Репутация стала все больше зависеть от роста богатства, нежели от традиционных ценностей. Уменьшение значения насилия в общественной жизни снизило ценность посреднических функций мафии. Прежние мафиозные группы к середине XX в. частично скатились до уровня преступников, а частично занялись накоплением капитала, превращаясь в предпринимателей. Аграрная сфера с точки зрения возможностей обогащения уступила место нелегальной торговле и наркобизнесу.*

Массовые политические движения и создание партий лишили мафию части социальных функций (социальное посредничество, сплочение ин-

* Хотя в 1950-е гг. был период, когда мафия вновь вернулась к своим посредническим функциям в связи с аграрной реформой и распродажей фашистской земельной собственности. Но в целом мафия уже не зависела от какого-то одного вида бизнеса.

дивидов, политическая протекция). Центральная власть, стремясь установить гражданский порядок, все успешнее монополизировала физическое насилие. В 1950-1960-е гг. власть на Сицилии перешла к руководству Христианско-Демократической Партии (ХДП), которая, успешно меняя политическую систему острова, добилась контроля на основных ступенях экономического и политического господства. Интересы основных групп населения острова получили иную форму политической реализации, чем при мафии. Многие мафиози оказались вынуждены сотрудничать с ХДП ради сохранения формы дохода, поддерживая мафиозные методы контроля в административном аппарате. Таким образом, в системе местной власти обозначилась элита, посредующая распределение централизованных средств на местах. Она наживалась на расхождении цен, установленных государством при инвестициях ресурсов и финансов, с действительно уплачиваемыми средствами. Новые мафиозные политические структуры централизовали и консолидировали ряд важных рынков: строительство, кредит, трудоустройство в общественном секторе, городские рынки. Позднее, уже в 1970-е гг. возникла напряженность в политико-административной системе. Государство опять попыталось волевым путем сконцентрировать ресурсы, чем нарушило многие интересы и усугубило социальный раскол. Последовавшая экономическая дезинтеграция возродила активность групп мафиозного типа.

Итак, как показывает история, институт мафии сформировался в Италии на базе перехода сельского хозяйства к капиталистическому рынку и трансформации политического строя. Задачей этого института стало обеспечение гарантий экономических транзакций частным образом благодаря содействию коррумпированной власти. На эволюцию и функционирование мафии значительно повлияли как усилия государства в монополизации насилия, так и динамика нелегального бизнеса.

Мафиозная культура

Принципы, нормы и правила поведения мафии* обязаны своим происхождением истории средиземноморской, а конкретнее, сицилийской культуры. Это целая идеология, в центре которой стоят понятия чести и инструментальной дружбы. Условием их процветания была экономическая конкуренция с привлечением политических средств. «Это соперничество, соединенное с социально санкционированным использованием частного насилия, придало мафии изначальный динамизм в качестве криминального предприятия» [1, с. X].

Честь покоится на соединении богатства, власти, престижа и насилия. В сицилийской культуре это предполагает, что человек своей соб-

* Кодекс поведения мафиозо касается принципов общения с окружающими в целях успешности дела: «Будь прям по отношению к своим, позволяй им получить причитающееся»; «Не нагнетай напряженность в отношениях, сохраняй хладнокровие»; «Ни силой, ни обманом не создавай преимуществ над своими, не эксплуатируй их»; «Будь сильным, самоутверждайся»; «Не опускайся ниже своего положения, сохраняй престиж» [5].

ственной силой должен гарантировать своей семье уровень жизни, соответствующий социальному статусу, защищать собственность, охранять верность и чистоту женщин своей семьи. Обеспечение таких гарантий связано со способностью вести борьбу, постоянно отвечая на всякий нанесенный ущерб. Человек чести умеет заставлять уважать свои права, не считаясь со средствами для достижения этой цели, непримирим и подчеркнуто враждебен ко всяким посягательствам на свои права, и не боится жестокой борьбы за эти права. Лица с такими способностями всегда очень мало, а приобретение чести одним является потерей чести другим. Мафиозо всегда появляется как вызов старым держателям монополии на насилие, прежним мафиози. Победителем становится не просто тот, кто ниспровергнет конкурента, но и кто завоевывает признание своей монополии среди жителей определенной территории. Отстаивание чести связано с жестокостью и агрессией. Сицилийская культура поощряет насилие ради экономических целей. Мафиозо должен доказать свою способность пойти на крайнюю жестокость ради чести. Символом его силы и надежности служит совершенное в борьбе за честь убийство. Элементом постоянной борьбы за защиту чести является система кровной мести (вендетта).^{*} Это «одна из старейших форм конфликта, кровная месть, которая до недавнего времени казалась исчезнувшей вместе с наиболее отсталым культурным наследием, совершила кровавый возврат в 1970-е годы, и ее разрушительная сила не уменьшилась...» [2, р. 157].

В борьбе, где один против всех, ценится умение создавать и менять коалиции, обеспечивая свои возможности в борьбе за честь. В этом мафиозо способствует сеть родственных связей и выгодных знакомств. В мафиозных кланах широко практикуется укрепление внутрисемейных связей, расширение сферы общих интересов, обобществление семейной собственности. Сфера деловых контактов мафиозо распространяется на административные и юридические структуры итальянского общества.

В деятельности мафиозо необходимым атрибутом становятся секретность и информированность. Чтобы обеспечить протекцию, надо знать клиента, его семью, его друзей, его бизнес и т.п. Способность собирать информацию является частью репутации. И если стороны знают, что гарант обладает какой-либо исключительной информацией о них, то они охотнее идут на сотрудничество. Нужна уверенность, что информации гарантов достаточно, чтобы сдерживать другую сторону. Кроме того, информированность требует слежки. «Сбор информации требует, прежде всего, ряда личных качеств, таких, как хорошая память, способность быстро формулировать продуктивные вопросы и ставить их тактично, непритязательно и предупредительно, и склонность к ненамеренной, ненавязчивой медлительности» [4, р. 36]. Тем не менее, информация должна всегда быть точной. Циркуляция информации имеет

^{*} Подробное рассмотрение данного вопроса см. в [10].

строгие пределы между и внутри семей. Но все это часто чревато недопониманием друг друга, а, следовательно, напряжением в общении, недоверием. Для сокрытия информации практикуется обычай или кодекс секретности под названием «омерта». «В мафиозной культуре держать рот закрытым и молча вынашивать возмездие значит поступать правильно» [1, р. 8]. Но, несмотря на такую таинственность, мафия нуждается в открытом признании как в преступном мире, так и в обществе. Поэтому в глазах сицилийцев мафиозо — человек, свободный от материальных нужд, имеющий власть за счет применения грубой силы и ведущий образ жизни избранных. В мире, где большинство напряженно трудится, его свобода времяпрепровождения — явный знак чести и власти. Поскольку в сицилийской культуре обладание богатством ставит под угрозу его деловые качества «сильного», то чтобы остаться мафиозо, человек будет воздерживаться от увеличения собственности. Мафиозо получает «честь» не путем обладания землей, а через силовую защиту прав на нее.

Знакомства и дружеские связи мафиозо основаны не на чувствах и симпатиях, а на экономическом расчете. Форма таких отношений становится ритуальной. Только так возникают коалиции для решения проблемы доверия при обязательствах бизнеса. Раймондо Катанзаро именуется это «посредническим капитализмом», переходным состоянием от феодализма к капитализму. Мафиозо должен иметь много связей, чтобы проявлять свое умение урегулировать споры и социальные конфликты. «Посредничество имеет решающее значение в обществе, которое структуры современного государства не пронизали основательно и непредвзято, но в котором скорее имеет место патронаж. Мафиози принимают на себя контроль над этими функциями и действуют как посредники или примирители» [1, р. 29]. Они формируют определенные социальные связи, которые не могли осуществиться без их участия и гарантий надежности. И именно по этой причине, с другой стороны, они заинтересованы в сохранении общественного конфликта больше, нежели в его прекращении. За всеми подобными отношениями и интересами, что очень существенно, кроется практика определенной формы получения дохода.

Движимая инерцией традиционной культуры, мафия, тем не менее, менялась в ходе эволюции итальянского общества. Традиционный мафиозо жил скромно, чтобы показать единство с сообществом, которое он защищает. Постепенно богатство стало более важным атрибутом чести, чем самостоятельный и праздный образ жизни. Новый мафиозо живет в роскоши. Развитые рыночные отношения радикально изменяют стиль жизни и идеологию мафиозо. В первую очередь, мафиозо стал ориентироваться на прибыль и власть как на цели жизни, а не средства удовлетворения материальных потребностей. Это уже не аграрий, а инженер, торговец или предприниматель. Традиционные мафиозные группировки создавались их лидерами, новые мафиозные предприятия существуют на базе семьи. «Мафиозо-предприниматель рождается в се-

мье, достаточно хорошо интегрированной в жизнь района, коммуны и социального слоя, к которым он принадлежит... — это сын дона А. или племянник дона Б.» [2, р. 122].

Мафиозный бизнес

Еще в 1876 г. Леопольдо Франкетти называл мафию «*l'industria della violenza*» (индустрия насилия). Это определение говорит о том, что мафия поддерживает в обществе атмосферу жестокости и агрессивности. Но «жестокость выступает средством, а не целью; ресурсом, а не конечным продуктом. Товар, который ставится на карту — это протекция» [4, р. 2]. Предоставлять протекцию может лишь обладатель прав на насилие и жестокость, и эта услуга остается протекцией независимо от того, кто ее оказывает, государство, мафия или другие субъекты. В таком деле законность не всегда тождественна эффективности. Например, согласно статистике, в случаях воровства государственное посредничество успешно в 10% случаев, а мафиозное — в 95% [2].

Право на насилие обеспечивает гарантии экономического обмена. В каждой транзакции, когда хотя бы одна из сторон не доверяет другой в согласии с правилами, протекция становится желательна, даже если это дорогая и слабая замена доверию. Потенциальный рынок для частной протекции создается каждый раз, когда государство признает нелегальность определенной транзакции или товара. Эти транзакции реальны, хотя и незаконны. Мафиозо выступает гарантом именно незаконных сделок. Причем он стремится монополизировать свою роль. Конечно, весьма условен вопрос, какой товар считается нелегальным, а, следовательно, потенциально нуждается в мафиозной протекции. Это зависит от исторической эпохи и культуры. Много значит для определения сферы деятельности мафии запретительная политика государства.

Протекция предполагает наличие физической и психической способности призывать к ответственности. Гарант должен быть сильнее, чем те, кого он поддерживает. И угроза применения силы становится составляющей процесса сделки. Для мафии репутация служит частью предлагаемой продукции. Надежность репутации обеспечивается социальным положением. Одновременно потребность доверять кому-то создает иллюзию надежности мафиозной поддержки. Эта мифологизация репутации выделяет мафиози из криминальной среды. Но репутация нуждается в особой рекламе — проявлении великодушия. «Мафиози обычно предлагают свою протекцию лицом к лицу, как будто это акт великодушия, направленный на то, что успокоить получателя, взволнованного неопределенностью жизни» [4, р. 47].

В обществе, где права собственности не определены и никто не имеет автоматической протекции, эти права приобретаются лишь через активное заключение протекционистских контрактов, с точки зрения которых содержание этих прав открыто для обсуждения. Следовательно, то, что в правовом обществе считается преступлением, здесь — определенный вид взаимного увязывания контрактных прав и обязательств. «За-

конное соглашение четко отличает жертв от нарушителей, но в терминах мафии право не быть ограбленным (или украденным, или обманутым) только тогда выше, чем право ограбить, или украсть, или обмануть, если ценность протекции для жертвы также выше» [4, р. 33].

Посредники играют роль во всех видах бизнеса, но в их деятельности нет ничего мафиозного, поскольку посредничество свойственно внутренней природе бизнеса. Мафиозные характеристики появляются, если продаются гарантии (при определенных условиях), но не тогда, когда продается информация без гарантий надежности. Доверие важнее, чем информация.* «Протекция — это потенциально бесконечная последовательность действий, которые не могут быть определены или отделены друг от друга» [4, р. 56]. Естественно, продажа такого товара предполагает стечение непростых обстоятельств.

Будучи вовлеченным в определенный бизнес (скажем, в торговлю оружием), мафиозо лишь обеспечивает протекцию, но не является торговцем оружием. При этом сама торговля гарантиями также образует рынок протекций. Плата за протекцию осуществляется добровольно, при осознании условий недоверия к товару, к торговцу или к покупателю. В бизнесе получать доверие так же важно, как доверие оказывать. Если покупатель знает, что продавцу выгоднее обманывать его, он будет избегать транзакции. Поэтому продавец беспокоится о репутации для получения доверия покупателя. При сделке, которую обеспечивает мафиозо, транзакционные издержки выше, зато результат больше [4, р. 21]. Распространено мнение, что предоставление протекции невозможно без насилия. В реальности, хотя большинство сделок проходят мирно, редкие конфликтные случаи все же заканчиваются кровавыми инцидентами и поэтому попадают в средства массовой информации.

Продажа частной протекции допускает три варианта стратегии: 1) обслуживание отдельных покупателей (продавцов) за счет других покупателей (продавцов); 2) обслуживание продавцов за счет покупателей (или наоборот); 3) дискриминацию всех посредством вымогательства.

В первом случае продавец, которого выбирает мафия для поддержки, должен заплатить как за доверие, так и за его предпочтение перед другими продавцами. Теоретически мафиозо должен стремиться поддерживать всех продавцов, чтобы максимизировать доход. Но практически мафиозо может дать гарантии лишь ограниченному числу лиц за счет других лиц. Мафиозо очень успешен там, где продавец знает, что обмен этого товара зависит не от честности, а от протекции, где сделка может

* В этом разница между мафиози и патронами. Патрон не так заинтересован гарантиями, сколько предложением исключительной информации для соединения клиентов с высшей властью. Он представляет, рекомендует, советует в условиях соревнования за общественные контракты, называет ключевых людей для контракта. Он делает требования клиентов понятными, упрощает правила, определяет, как избежать санкций. В отличие от мафиозо, патрон зависит от политических и других группировок. Он не предлагает протекцию, не защищает от преступников, конкурентов, долгов, обмана. Его методы не пронизаны жесткостью.

быть обеспечена лишь известным именем. Чем больше фирм поддерживается мафией, тем сложнее удовлетворить их интересы и дать полные гарантии. Мафия продает протекцию как товар, который может быть потреблен отдельным деятелем лишь в том случае, если другие не могут этого сделать. «Соглашения являются транзакциями, в которых участники обмениваются обещаниями вместо обыкновенных благ. Обещания являются специфическим товаром, с высокой степенью асимметрии информации: сторона, которая дает обещания, знает гораздо больше о вероятности его исполнения, чем та сторона, которая получает их. Действительное последствие является единственной возможной проверкой качества обещания» [4, р. 24].

Во втором случае частная протекция осуществляется с помощью выбора лучших возможностей мафиозного бизнеса. Простой экономический расчет дает ответ на вопрос, кого и как поддерживать. Мафиозо сам заинтересован в регулярных вливаниях недоверия на рынок, чтобы повысить спрос на свой товар — протекцию. Если бы агенты на рынке могли доверять друг другу, он бы стал не нужен. «Недоверие, однажды направленное через мафиозную протекцию, становится самосохраняющимся и саморасширяющимся. Иными словами, недоверие становится эндогенным и более не нуждается в том, чтобы его трактовали как условие, внешнее по отношению к мафиозной протекции рынка» [4, р. 27].

В третьем случае видимость того, что мафия лишь практикует шантаж и не дает реальных услуг, связана с информационным предубеждением, преувеличивающим эффект вымогательства. При действительном оказании протекции возможность обмана в экономических транзакциях снижается. Различие вымогательства и настоящей протекции в том, что протекция как товар имеет и позитивные, и негативные экстерналии. «Даже если процесс первоначально вызван угрозами и запугиванием и может рассматриваться поэтому как вымогательство, когда он заходит слишком далеко, становится очень затруднительно заявить, что оставшиеся торговцы покупают фиктивную поддержку» [4, р. 30]. Когда кто-то покупает протекцию, это создает негативные экстерналии тем, кто не покупает. Протекция отлична от вымогательства еще и тем, что то, что является для нового предпринимателя вымогательством, для старого — дополнительная плата за то, чтобы оставаться в бизнесе первым. Важна перспектива. По сути, они равны, потому что защита кого-либо от конкурентов означает нарушение интересов последних. «Не существует экономической причины, которая бы не позволяла олигополиям платить организованной преступности за протекцию от конкурентов» [4, р. 32].

Мафиозо ценит в клиенте потребность обращаться за протекцией регулярно, то есть долгосрочные контракты о протекции, а вовсе не финансовые возможности, что было бы логично с экономической точки зрения. Те мафиозо, которые рассчитывают на длительные отношения с определенным бизнесом, не будут оказывать непрерывное давление на клиентов. Скорее они поддержат жертв преступлений, чем преступников.

Стабильность и равновесие на рынке, находящемся под мафиозным контролем, объясняется заинтересованностью многих общественных сил. Часто его издержки ниже, а выплаты за протекцию меньше государственных налогов. Мафиозо может надзирать за каждой транзакцией на данном рынке, а может быть востребован постфактум как решающая сторона, если транзакция не удалась. Сферы рынка сильно варьируются по степени зависимости от доверия при сделках (частично это определяется природой товара). Большинство предприятий, контролируемых сицилийской мафией, действуют в четырех секторах экономики: строительстве, стройматериалах, сельском хозяйстве и сфере услуг, т.е. там, где ниже технический уровень и происходит частое открытие и закрытие предприятий. Предприятия, находящиеся под контролем мафии, имеют ряд особенностей: их мало беспокоят механизмы экономической конкуренции; гарантированный приток рабочей силы позволяет сдерживать заработную плату; они используют внеэкономический доступ к финансовым ресурсам.

Мафиозная организация

Когда в обществе возникает потребность в выполнении мафиозных функций, то их исполнение оказывается в руках тех групп, которые уже имеют место в данной культуре, при данном социальном устройстве. Это может влиять на характер исполнения функций, но, начав исполнять эти функции, данные группы начинают испытывать их влияние, выражающееся в требованиях к самой организации в качестве института.

Хотя функции мафии по предоставлению гарантий в нелегальных сделках сами по себе не указывают на необходимость особой природы носителя этих функций, тем не менее, существует тенденция к вполне определенному упорядочиванию отношений в мафиозной группе. Данная тенденция будет прослеживаться в любых исторических и культурных условиях вне зависимости от правового развития капитализма.

Мафия стремится организовать и контролировать экономическую деятельность, признаваемую законом в качестве преступной. Однако отдельные виды преступности невозможно собрать в единый механизм, подобно народнохозяйственной системе. В незаконных деяниях всегда есть элемент автономии, препятствующий их взаимному соподчинению. Поэтому более удобным оказалось корпоративное соединение (картель) подобных специализированных групп. Условия и нормы деятельности такого картеля очень динамичны. Динамичность, вытекающая из незаконности, делает такую организацию чувствительной к политическому и правовому процессам. Внутренние причины динамичности образуют этапы карьеры мафиозо: от бандита до капиталиста. Более того, незаконность статуса вынуждает его постоянно считаться с ростом конкурентов. Степень конкуренции и уровень монополизма постоянно корректируют структуру мафиозной организации. Но вопреки своей гибкости такая организация должна сохранять имидж надежного гаранта.

Любопытно, что в системе частной протекции клиенты становятся неотъемлемой частью фирмы. Контракт о протекции является структурной основой, за пределами которой органические связи мафиози с их клиентами растут. Такие связи обычно воспринимаются как сущность мафиозной организации. Поэтому для идентификации лица, причастного к мафиозному бизнесу, важно указать, кто его друзья и к какой группировке он принадлежит. Для мафиозной организации не типично наблюдаемое в бизнесе XX в. разделение функций собственника и управляющего. Видимо, это связано с нелегальностью мафии, с одной стороны, и сохранением единовластия, с другой.

Предоставление протекции подразумевает успешное использование разнообразных частных действий (слежка, анализ информации, убийство, шантаж и др.). Следовательно, подбор кадров для этих действий возводится в ранг необходимости. Кроме того, организация нуждается в гарантиях надежности кадров. Мафия равномерно распределена во всех общественных классах. Но представителей разных слоев сюда привлекают разные цели.

Принуждение и насилие лучше осуществлять в дисциплинированной организации. Такие отношения бытуют в традиционных семьях. Мафиозные семьи насчитывают от 20 до 250 человек. Каждая семья управляется главарем (функция порядка и максимизации полезности), затем идут те, кто осуществляет функции сбора информации и передачи приказов, советники, посредники, затем руководители местных группировок, занятых частными делами, руководители секций, и, наконец, рядовые члены. Внутри мафиозной группы интересы различны, а позиции координируются так, что за индивидами сохраняется определенная степень гибкости и свободы действия. Эти отношения активизируются и организуются лишь периодами, по мере совместной деятельности и общения. Отношения лидеров к рядовым членам варьируются от группы к группе (кровная связь, фиктивное родство, дружба, патронаж и т.п.). Глава семьи выбирается уважаемыми людьми своего клана. Напряжение внутри семей сильнее, чем между ними, и сотрудничество главарей помогает дисциплинировать рядовых членов, хотя непосредственно на это не направлено. Взаимоотношения семей могут регулироваться через клановые комиссии, стратегии деятельности которых направлены на мирное решение конфликтов среди потенциальных носителей насилия. Иногда напряженность в отношениях может выливаться в жестокие битвы семей и кланов.

Мафия не в состоянии вести свой бизнес без тесного постоянного сотрудничества с бюрократией. Поэтому нельзя рассматривать организацию мафии без учета ее политических и административных связей. Это отношение необходимо для мафии. Но по своей природе оно содержит противоречие. Интересы мафии и бюрократии по поводу средств насилия и принуждения непримиримы. Следовательно, борьба интересов мафии и бюрократии идет постоянно, пока существует мафия. Чем сильнее эта борьба, тем ожесточеннее методы работы мафии, и наобо-

рот. Борьба ведется вокруг проникновения коммерческих стратегий в такие сферы, как назначение государственных чиновников, проведение выборов, административная юстиция, протекция прав собственности. Но общество, пытающееся организовать товарный обмен, не должно превращать в товар гражданско-правовую сферу. Права должны быть универсальны и не зависимы от личного благосостояния. «Когда протекция продается в частном порядке, то такие блага тоже становятся частными» [4, р. 8].

Мафия и международная организованная преступность

В XX в. понятие «мафия» стали применять к организованной преступности широко за пределами Италии. Апеннины оказались не настолько уникальны, а условия, способствовавшие возникновению такого института, присущи многим обществам. История разных стран показывает, что решающий момент образования мафии заключен в добровольном выборе граждан, кому доверить протекцию своих прав собственности. Можно обнаружить общую тенденцию объединения мафиозных групп по мере развития капитализма, регламентации конфликта с бюрократией и смягчения насильственных методов. Своеобразие каждой страны сказалось на масштабах, правилах, способах организации мафиозного бизнеса (там, где он сумел обособиться от группировок уголовников и сложиться в качестве социального института). Поэтому с принципиальной точки зрения интерес представляют экономически развитые капиталистические страны (США, Япония), а также ранее социалистическая Россия.

США

Становление американской мафии* связано с процессами активизации нелегального протекционизма, особенно в отношении юридической системы, организации подпольных рынков и консолидации преступных группировок, преимущественно итальянских, в годы экономического кризиса начала XX в. По числу участников такие группировки на порядок превосходили свои сицилийские аналоги [11, р. 47]. В итоге в 1931 г. была образована система комиссий, состоящих из глав ведущих семей, для согласования спорных интересов. Только формально эти группировки напоминали семьи, на самом деле они состояли из лиц, не стесненных традиционной субординацией и имеющих самостоятельный бизнес. Они более напоминали фирмы и предприятия с системой наемного труда.

Следует заострить внимание на вопросе о связи американской мафии с политическими структурами. Во-первых, потому, что сегодня при-

* Итало-американская организованная преступность предпочитала избегать слова «мафия». Так ее именовали лишь журналисты и полицейские. С конца 1950-х гг. укрепило самоназвание «*cosa nostra*» (Коза Ностра, буквально «наше дело»), которое было призвано обеспечить репутацию, внушать уважение и страх.

нято считать США образцом буржуазной законности и правопорядка. Во-вторых, поскольку при определении мафии американские правительственные круги склонны обходить молчанием ее связи с бюрократией. В действительности эта связь существует в Америке так же, как в Италии. Примером может служить обращение в годы Второй мировой войны Американского Военно-Морского Ведомства к лидеру мафии Лаки Лучиано за помощью при организации безопасной и надежной работы нью-йоркских доков [12, р. 56]. Такой связи не препятствует ни система демократических учреждений, ни уровень экономического благосостояния, ни активная борьба правоохранительных органов с организованной преступностью. Общая тенденция, ведущая к образованию и функционированию института мафии, сопровождается в США специфическими формами взаимодействия мафии и бюрократии, приспособленными к правовой системе капиталистической демократии.

Юридическая система США выработала свое отношение к консолидации преступности уже в начале века. Но только в 1967 г. президентская комиссия по преступлениям приравнивала организованную преступность к мафии (т.е. к *«cosa nostra»*), указав на ее общенациональный и бюрократический характер. Кроме того, в середине 60-х годов американский сенат принял закон, предложенный сенатором Джоном Макклеланом, о мафии и ее членах. «Мафия, — говорится в нем, — означает секретное общество, члены которого, преследуя цель получить власть над организованной преступностью, поручились и посвятили себя совершению незаконных деяний против Соединенных Штатов в целом, или любого из штатов в отдельности, и чьи действия руководствуются тайным кодексом навязывания страха и насилия не только среди своих членов, отступивших от указов, постановлений, решений, принципов и инструкций этого общества в осуществлении указанной власти над организованной преступностью, но также и среди тех лиц, кто не является его членами, но представляет угрозу безопасности как членам, так и преступным деяниям этого общества» [13, р. 1595]. Но бороться против такой организации оказалось значительно сложнее, чем с отдельными видами правонарушений. И в 1970-е гг. американские законодатели пересмотрели трактовку мафии как формальной организации и решили подвести под это понятие определенную совокупность преступных деяний.* Вдобавок мафия перестала осознаваться как моноэтническое явление, и этот термин стал употребляться по отношению к азиатским, латиноамериканским, русским и другим преступным сообществам на территории США. Со временем под мафией стала подразумеваться преступная деятельность глобального масштаба. Внутри Соединенных Шта-

* Эти административно-правовые определения повлияли, как уже отмечалось выше, на воззрения ученых [6]. Необходимо, однако, сохранять понимание разницы между юридическими и социологическими определениями. И если американское правительство в праве игнорировать социологическую определенность мафии ради практических политических целей, то для социолога так же верно, наоборот, поставить эту определенность на первый план.

тов деятельность мафии сохраняет ряд особенностей: по сравнению с Сицилией она ориентирована не на аграрный, а на промышленный сектор экономики, традиционно под ее контролем находятся сфера организации общественных работ (например, уборка мусора) и работа профсоюзов. Гораздо активнее других американская мафия проявляет себя на рынке узаконенных прав собственности [11, р. 120].

Япония

В Японии сфера бизнеса частной протекции подчинена господству мафиозных групп под названием якудза. Якудза* распространилась в японской экономике с XVII в., покрывая нелегальный бизнес с наркотиками, проституцией, азартными играми, увеселительными заведениями [14]. В 1930-е годы установились ее политические связи. Но лишь в 1980-е гг. эта преступная организация смогла кардинально усилить свое влияние в экономике благодаря участию в распродаже государственных земель. Этот этап можно сравнить с 1920-1930-ми гг. американской мафии. Таким образом, произошла трансформация традиционной якудзы XVII-XIX веков. В сфере мелкой преступности закрепились бандитские организации якудзы, построенные по гибким принципам, а в сфере контроля новых перспективных рынков (финансы, недвижимость, банковские инвестиции) утвердились клановые организации якудзы. При этом кланы стали осуществлять контроль над деятельностью банд. Клановые организации держатся на строгой дисциплине, соответствующей традициям и структуре традиционной японской семьи. Но это фиктивное родство, имитация его, поскольку интерес дела выше интересов подлинного родства. Важно сохранить мораль, дисциплину, построенную на обычаях подчинения старшим. Именно поэтому японская мафия как никакая другая защищена от раздоров и конфликтов внутри группировок. Здесь, несмотря на лидерство главаря, имя группировки гораздо более значимо, чем имя ее главаря.

Традиционная иерархичность японского общества и доминирование крупных фирм благоприятствует принятию экономических решений волевыми методами. Политическая зависимость экономических организаций в дополнение к этим факторам открывает двери интересам мафии. В системе политических связей якудзы большое значение имеет поддержка либерально-демократической партии со стороны строительной индустрии, обнажившаяся в политических скандалах 1970-1980-х гг. Способность японской мафии влиять на принятие государственных и административных решений, а также распространение влияния на сферу оказания юридических услуг подчеркивают невероятно высокую степень

* Происхождение слова «якудза» связано с игорным бизнесом. Оно подчеркивало бесполезность и опасность якудзы для общества. Слово образовано из цифровых иероглифов 8-9-3 и означает наихудший расклад в старинной карточной игре. Частичное заимствование самурайской символики, обрядовости и морали было нацелено на поддержание в японском обществе имиджа лиц, которым можно доверять защиту и которые способны на монополию насилия.

взаимопроникновения мафии и бюрократии. Даже с полицейскими структурами государства якудза образует своего рода «симбиоз» [14, р. 163]. Сдерживая уличную преступность (а ее уровень в Японии один из самых низких), она помогает полиции, но исполняет ее функции в своих интересах и по своим правилам. Такие связи долгое время способствовали особому правовому статусу якудзы. Фактически до последнего времени отсутствовали какие-либо юридические ограничения на рэкет и отмывание денег. К тому же только с начала 1990-х гг. в борьба с якудзой стала обеспечиваться правовыми нормами.

Львиная доля доходов якудзы идет на оружие, поскольку взаимоотношения среди мафиозных группировок, да и сами формы мафиозного бизнеса в Японии имеют подчеркнuto жестокий, непримиримый характер. Это традиция господства одного — победителя. Всякий компромисс лишь ослабляет его положение. Однако общество сумело приспособить систему традиционной иерархической дисциплины к специализации форм деятельности. Функционирование института мафии в Японии сопряжено с деятельностью криминальных группировок, не входящих в состав якудзы, но подчиненных ей. Исключительно важная роль в ведении мафиозного бизнеса принадлежит «сокайе», группировке, которая специализируется на вымогательстве и рэкете в крупных компаниях посредством угроз дезорганизовать работу коллегиальных органов управления.

Деятельность японской мафии не противоречит положению Японии в качестве одной из ведущих капиталистических стран мира. Скорее пример якудзы, как, впрочем, и пример «*cosa nostra*», показывают, что мафия, приспособляясь и видоизменяясь, продолжает существовать как социальный институт даже в высокоразвитых капиталистических системах. Ее последующая судьба зависит от форм развития государственности и потребностей общественно-экономического строя.

Россия

Многие исследователи, оперируя поверхностным представлением о мафии*, ведут речь о ее распространении в советское время и даже пытаются вывести ее необходимость из системы политического руководства экономикой [5; 15]. Однако упускается из виду важное обстоятельство — отсутствие в советской экономике легальных прав на частную собственность. Без них экономические трансакции совершаются не между сотрудничающими, но независимыми субъектами, а среди иерархически соподчиненных субъектов. Поэтому и протекция (если касаться сферы легального производства), даже когда она возникает, предоставляется не третьей стороной, а заинтересованным лицом (часто покрови-

* В англоязычной литературе часто разделяют два термина: «мафия» (от *mafia*, что обозначает итальянскую мафию и соответствует английскому произношению) и «мафия» (от *mafija*, что обозначает русскую мафию и соответствует русскому произношению). Это удобно при выделении специфических особенностей российской преступности, но не существенно для общих характеристик данного института.

телем). Скорее такое посредничество проявляется в форме советов, рекомендаций, патронажа. К тому же советское общество обладало мощной системой государственных правоохранительных органов, что исключало возможность частных агентств по применению насилия. Контроль над экономической жизнью со стороны партийных и государственных чиновников, иерархическая система принятия экономических решений, избирательный доступ к информации, административно-силовые механизмы национальной экономической политики, возможность не обеспеченного законом влияния представителей власти на характер пользования общенародной собственностью — все это могло иметь нарушения и порождать взяточничество, вымогательство, коррупцию. Но не мафию в качестве социального института. Советское общество не могло стать ее источником, поскольку исключало систему отношений, характерную лишь для определенной формы капиталистического общества.

Надо, однако, признать, что еще в советское время сложились несколько условий, которые в дальнейшем способствовали формированию мафии и наложили отпечаток на ее черты. В первую очередь следует иметь в виду порядок правительственного регулирования народнохозяйственной деятельности, а точнее, порядок принятия решений и распределения ответственности. Учреждение административной системы советской экономики, обеспеченное введением режима общественной собственности, было осуществлено после гражданской войны в 1920-1930 гг. Но установление юридической нормы в виде общественной собственности еще не создавало экономической определенности этой собственности. Такая определенность реализуется в порядке функционирования системы управления народным хозяйством и регулирования его развития. Ввиду новизны институтов управления общественной собственностью и политической потребности реализации интересов трудящихся в ущерб другим интересам, в системе принятия экономических решений стала преобладать авторитарная тенденция, подчинявшая правовую волю политической воле. Это предоставляло должностным руководителям большой объем полномочий. Возникла коллизия. Хотя по своей природе мораль административного управления социалистической экономикой настаивала на непримиримом отношении к нарушению полномочий, однако она могла нарушаться без должной правовой ответственности.* Для обеспечения ответственности чиновников были введены контроль со стороны партии, осуществляемый при помощи идеологической и кадровой работы, и надзор со стороны карательных органов, которые выполняли свои функции преимущественно репрессивными мерами. К концу 1950-х гг. ситуация в государстве и в

* «Наши советские аппараты, по типу правильные, состоят из таких людей, имеют навыки и традиции, которые опрокидывают по существу правильную политическую линию, — указывал Сталин в 1923 г. — ...Либо самый государственный аппарат, налоговый аппарат будет упрощен, сокращен, из него будут изгнаны воры и мошенники (*т.е. частнособственнические интересы — М.С.*) ...Либо этот аппарат превратится в самоцель... и все... придется тратить на содержание самого аппарата, — и тогда политический крах» [16, т. 5, с. 208-209].

правительственной системе изменяется. Послевоенный подъем экономики создавал условия для усовершенствования системы управления. С целью децентрализации был осуществлен переход от отраслевой системы к территориальной. В 1965 г. предприятия получают право участия в принятии решений и в прибылях, а значит, в правах и ответственности. Однако юридически это оказалось не обеспечено в полной мере, а следовательно, административный порядок руководства экономикой продолжал господствовать. Высшие руководители продолжали получать права собственности без правомочий, без правовой защиты [17, р. 31] и лишь при административной и партийно-дисциплинарной ответственности. Подобное состояние прав порождало противоречивый интерес, когда порядок деятельности по управлению экономикой не соответствовал выгодам от использования прав собственности. Этот интерес имел тенденцию закрепляться в такой форме дохода, как рента через максимизацию бюджета [17; 18]. Потребность соотносить деятельность чиновников с интересами трудящихся фактически отпала после признания установления социалистической системы. Аппаратчики могли смело утверждать любые свои решения как безальтернативные. Противоречивость бюрократического интереса и потребности роста привели в 1970-е гг. к усложнению управляющей структуры экономики, дроблению министерств, укрупнению предприятий, введению черырехуровневого планирования. Эти новые формы по понятным причинам тоже не были обеспечены правовым статусом.

Ликвидация репрессивного характера административно-бюрократической ответственности не сопровождалась институционализацией гражданско-правовых форм контроля над деятельностью аппарата, принимающего решения об использовании объектов общественной собственности. Постепенно в среде бесконтрольных хозяйственных руководителей стали формироваться частные интересы и волюнтаристские методы работы, дезорганизующие социалистическую систему народного хозяйства. Бюрократия ослабила внутреннюю дисциплину, открыв путь произвольному распоряжению правами общественной собственности, хищениям, финансовым махинациям.* Эти тенденции представляются не недостатками принципа планирования, а просчетами в порядке его применения. Порядок принятия решений оказался в ведении не законодательной, а административной воли. Поэтому их легальность часто была невыражена. Можно даже заключить, что правовое обеспечение системы принятия плановых решений отставало в своем развитии от требований развития производства и даже допускало деятельность теневого рынка. При производстве излишней продукции (то есть, по сути, при недостатках в ходе планирования на отдельных участках) ее реализация не могла осуществиться из-за инструкций Госснаба СССР, не давая предприятиям реализовать свои законные, но слабо обеспеченные права. В силу же потребности в реализации она обеспечивалась незаконной деятельностью через теневые орга-

* За рубежом считается, что политический волюнтаризм наиболее процветал вокруг инвестиций в военно-промышленный комплекс [5].

низации. Сам Госснаб использовал специальных кураторов крупнейших предприятий в виде своеобразных «толкачей», призванных решать вопросы обмена излишков. Их функции не обеспечивались не только законом, но и официальным порядком Госплана СССР. Все это делало многие потоки товаров внеплановыми, или стихийными. Эта стихия и представляла собой теневой рынок. На нем фактически осуществлялись рыночные транзакции, но при отсутствии легальных прав собственности. Поэтому создавался достаточно большой риск для участников сделки, чтобы регулирование такого обмена стало общественным институтом. Положение «толкачей» и соответствующей стратегии государственных органов было шатким и временным, пока в 1980-е гг. не изменилась политика правительства в отношении плановых механизмов хозяйствования. Введенная в 1987 г. госприемка позволила перекрывать функции «толкачей» и обоснованно изымать продукцию из легального оборота. Через год принимаются система хозрасчета, предоставляющая предприятиям новые права в распоряжении финансовыми ресурсами, не сопровождаемые соответствующей ответственностью, и закон о кооперации, разрешающий частную эксплуатацию наемного труда. Финансы, не покрывая плановую продукцию, стали из государственных предприятий активно уходить в кооперацию, которая превратилась по преимуществу в торговое посредничество, там легализовываться и обеспечивать рост теневого рынка. А закон о совместных предприятиях обеспечил легальный выход «теневого капитала» на международный рынок. Таким образом, нелегальный интерес бюрократии нашел реализацию в организации теневой экономики, а в дальнейшем, в 1991-1993 гг. стал инициатором политического курса на защиту частных прав собственности и на трансформацию государственной системы, что подвело черту под существованием социалистического способа хозяйствования в России.

Ввиду государственной политики запрета на спекуляцию (по сути, запрета частнособственнического интереса), политики, взятой на вооружение с первых дней советской власти, даже наиболее активные деятели черного рынка осознавали рост риска от увеличения транзакций, и такая деятельность на могла быть масштабной. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что мафия была в советской системе экономики и состояла из представителей «воровского мира», господствовавших на нелегальном рынке и сотрудничавших с государственными чиновниками [19]. В действительности внутренние принципы организации как советской власти, так и воровского мира препятствовали их взаимному сближению*, тем более что интересы преступного сообщества за все годы существования СССР никогда не распространялись на сферу взаимоотношений хозяйствующих субъектов, как на уровне правительственных структур, так и на уровне возможных в отдельные периоды нелегальных

* Из всех преступных группировок советского периода лишь грузинские вору в законе признавали возможность политической деятельности, что, кстати, и предопределило их относительный успех в 1990-е гг. [20; 21; 22; 23; 24].

транзакций. «Воровской мир» не предопределял существования спекуляции на нелегальном рынке, он, в силу своей паразитической природы, лишь наживался на трудностях организации производства и сбыта. Однако сама эволюция спекуляции как незаконной деятельности показывает изменение отношения государства к одному из проявлений частнособственнического интереса [25]. Ведь именно сохранение частнособственнических интересов в советской системе руководства экономикой стало благодатной почвой для последующего возникновения института мафии в России. В период с 1918 по 1932 гг. проводилась политика запрета на частный обмен определенной продукцией (например, на обмен продовольствием, оружием, драгоценными металлами), что объяснялось развалом экономики и потребностью монополизировать и таким образом организовать обмен наиболее важных товаров. Запрещался не сам характер действия, а применение его к определенным объектам, т.е. криминальной признавалась деятельность любых субъектов народнохозяйственной деятельности по отношению к строго фиксированным товарам. С 1932 г. был наложен запрет на торговлю сельскохозяйственной продукцией теми, кто не выполнил государственный план и руководствуется целью наживы. В 1960 г. была запрещена любая торговля с целью наживы. Государство заняло четкую позицию: стал криминализирован мотив наживы, без которого не может быть никаких рыночных транзакций. Но это усложнило определение ответственности за спекулятивные действия, поскольку акцент сдвинулся с объективного критерия на субъективный. Еще менее различимой юридическая норма стала в 1974 г., когда был запрещен лишь умысел извлечения наживы, при том, что допускалась в определенных пределах даже цель. Это привело к допущению спекулятивного действия при любых условиях, но при запрещении намерения и стремления, которые могут быть атрибутом только работников сбыта и торговли. Так криминализировалась та часть оборота, которая связана с определенным нравственным состоянием деятелей исполняющего, но не управляющего уровня. Таким образом, правовая норма сближалась с частнособственническим бюрократическим интересом в том, что выводила из-под ответственности такую деятельность аппаратчиков, которая предоставляла им контроль над растущим теневым рынком. Правоохранительным органам стало сложно бороться со спекуляцией, несмотря на ее моральное и идеологическое осуждение в стране. Однако политика перестройки решила проблему в ином направлении.

Итак, хотя за последние десятилетия советского общества в нем сформировались интересы нелегального внесударственного обеспечения транзакций, они не были собственно мафиозными, а если и стали таковыми впоследствии, то только пройдя через дальнейшие рыночно-капиталистические преобразования. «По мере краха коммунизма существующие криминальные организации, бесчестные бюрократы и предприниматели — все имели значительные стимулы для стремления к прибыльным схемам деятельности, легальной, нелегальной и смешанной» [26, р. 118]. И с началом рыночных преобразований, нацеленных

на создание капитализма в России, возникли общественные явления, благоприятствующие формированию института мафии. Коренными моментами появления мафии стали легализация рыночной экономики и начало приватизации в сфере малого бизнеса, который стал свободен от политических влияний и нерыночных экономических механизмов, а также необеспеченность правовых средств реформирования режима собственности и деформация понятий об экономической преступности. Повысилась активность криминальных группировок, и начался прирост их численности. В то же время актуализировалась потребность чиновников, стремящихся заполучить бывшую общественную собственность, в том, чтобы надежно защитить свою деятельность [27]. Соединялись благоприятные условия и необходимые интересы для институционализации мафии. Но поскольку эти интересы не имели широкого распространения в советском обществе, то они шли к своей более полной реализации замысловатыми «перестроечными» путями. И. Фроянов [28, с. 723-724] справедливо, хотя формально, связывает узкую социальную базу капиталистической реставрации с малочисленностью криминальных, мафиозно-клановых и номенклатурных элементов советского общества, не осознавая, однако, что сама мафия является продуктом этой реставрации.

Капиталистическое развитие России диктует условия создания института мафии за счет ослабления института государства. Экономические преобразования ведут к новой практике передачи прав собственности, при которой государство лишается прежней роли. Политическая и идеологическая конфронтация дезорганизует и деморализует деятельность изменяющихся силовых структур государства. Эта слабость, а также неготовность перейти моментально от плановых к рыночным условиям, и от социалистических к капиталистическим понятиям об экономических преступлениях способствуют превышению спроса на протекцию над его предложением [29]. Подобные обстоятельства содействуют активизации частных агентств по протекции. Своеобразием российской ситуации, имеющей сильную идеологическую окраску, является появление в среде таких агентств не только элементов преступного мира, но и лиц, обладающих опытом работы во властных и силовых структурах СССР. Считается, что структура российской мафии является более гибкой и приспособляемой к социальным изменениям, что она не имеет ярко выраженного кланового и этнического характера, а, следовательно, ее функционирование не регламентировано традиционными кодексами поведения, как в Италии и в Японии. Можно сделать предположение, что дальнейшее существование мафии в России возможно лишь в условиях неопределенности экономических преобразований и при отсутствии политической воли по искоренению основ этого института.

XX век стал эпохой глобализации экономических связей. Данный процесс затронул даже организованную преступность [30]. Многие виды незаконного бизнеса стали носить международный характер. Соответственно, для обеспечения гарантий сделок потребовались мафиозные

услуги нового масштаба, своего рода «*Pax Mafiosa*» [31]. «Рост мировых нелегальных рынков не только ускорил полное превращение мафиозной этики в "дух капитализма"; он также привел к мобильности и внутренней конкуренции, как внутри определенных преступных группировок, так и между каждой крупной преступной ассоциацией и ее врагами. В то же время, он вдохновил процесс вертикальной интеграции, соединяя организованную преступность международных мафий, с одной стороны, с обычной и несовершеннолетней преступностью, с другой. Взаимодействие между этими двумя сферами интенсифицировалось путем расширения спроса на преступный труд, порожденного возросшей степенью активности ведущих преступных группировок» [2, р. 221]. Организованная преступность стала относительно независима от своих национальных корней и смогла воспроизводить себя вне своей изначальной культурно-исторической среды [32]. Но она не может быть независимой от общественных условий. В этом смысле мафия должна рассматриваться в контексте законов развития современного общества. А поскольку сегодня человечество не знает более мощной структуры по применению насилия, чем государство, то и институт мафии соотносится с масштабом государства. Так как только государство уполномочено формировать порядки легальной хозяйственной деятельности, то это постоянно снижает возможности мафии. Поэтому даже международный уровень многих мафиозных группировок выступает лишь как нелегитимные связи, не способные в прямом смысле подчинить себе государство. А различия государственных порядков лишь усиливают раздробленность и без того автономных организационных структур мафии.

Невзирая на реальность мафии, нельзя утверждать, что она неисчислима, а ее деятельность неизбежна.* Общество может успешно выполнять общественные функции посредством иных структур, прежде всего легитимных правительственных органов, но также немафиозных нелегальных частных организаций, подобных тем, которые существуют в Италии наряду с мафией. Кроме того, история наглядно демонстрирует, что многие внутренние механизмы этого института ведут к его постепенному разрушению.

Заключение

Итак, мафия формируется как институт на стадии переходного общества, или «посреднического капитализма». До этого группа людей, объединенных впоследствии в мафию, не имела признаков и черт института. Теперь же они обеспечивают фактическое право частнособственнических интересов к соблюдению норм, еще не защищаемых государством. Мафия — это средство реализации интересов частного капитала, которые не могут еще в силу определенных причин (например, криминаль-

* Известный лозунг «Мафия бессмертна!» означает лишь независимость организации от индивида и, между прочим, служит в пользу институциональной трактовки, но никак не доказывает идею ее внутренней необходимости для всякого гражданского общества.

ности интереса) признаваться и обеспечиваться государственным аппаратом принуждения. Институт мафии — это не просто выражение одного «чистого» интереса, это выражение реальных общественных отношений, составляющих единую систему корреляции интересов разных общественных групп.

То, что мафия является институтом, предопределяется потребностями и закономерностями общества (необходимостью активного политического участия в создании рыночных условий, появлением частных форм удовлетворения спроса на протекцию, проникновением капиталистических интересов и принципов в новые капиталистические структуры государственного управления). Джон Коммонс [33, р. 13] полагает, что в обществе действует закономерность, согласно которой все социальные институты возникают как частная собственность. Именно в частном присвоении согласуются процессы социально-экономической дифференциации и выработки общественных интересов. Соединение реальных общественных интересов, подготовленное тенденциями развития общественного строя, порождает необходимость появления определенных институтов. Таким образом, если брать в расчет классово-дифференцированное общество, то здесь группа людей, реализующих посредством основанной на собственном выборе деятельности общественную необходимость, которая в свою очередь обуславливает эту деятельность, есть та форма организованного коллектива действующих индивидов, которая является институтом. Общественная необходимость в частной протекции служит условием появления института мафии. А сама сущность этого института заключается, соответственно, в частной собственности на применение насилия в экономике. Надо лишь уточнить, что имеющиеся в виду права частной собственности юридически не санкционируются государством, но существуют реально и де факто признаются бюрократией благодаря отстаиванию мафией своих интересов.

В современной капиталистической экономике существуют характерные области экономических интересов и деятельности мафии, поддерживающие ее существование как института. Безусловно, их особенности зависят от экономической структуры, государственно-политической системы, границ легального и нелегального бизнеса, правовых и нравственных норм экономического обмена, социальных детерминант потребительского интереса. Однако можно выделить и типичные черты:

1. Влияние на государственную экономическую политику.
 - 1.1. Коррупция.
 - 1.2. Лоббирование.
 - 1.3. Угрозы и шантаж.
2. Протекция сокрытию преступлений в сфере производства товаров и услуг.
 - 2.1. Технологические и экологические нарушения.
 - 2.2. Сокрытие налогов.
3. Контроль над сферой обмена товаров и услуг.

3.1. Протекция сокрытию нарушений при обмене легальными товарами и услугами.

3.1.1. Вымогательство.

3.1.2. Мошенничество.

3.1.3. Контрабанда.

3.1.4. Финансовые махинации.

3.2. Протекция сделок и сбыта при торговле.

3.2.1. Нелегальные товары и услуги.

3.2.1.1. Оружие.

3.2.1.2. Наркотики.

3.2.1.3. Люди.

3.2.2. Высокодоходные товары и услуги.

3.2.2.1. Азартные игры.

3.2.2.2. Увеселительные заведения.

3.2.2.3. Секс-индустрия.

3.2.3. Товары и услуги с высокими транзакционными издержками.

3.2.3.1. Недвижимость.

3.2.3.2. Общественные работы.

3.2.3.3. Профсоюзы.

3.2.3.4. Имущественные и финансовые долговые обязательства.

Сами по себе все указанные виды деятельности не создают мафию. Более того, они могут успешно осуществляться и помимо мафиозной организации. Но когда образуется институт мафии, они стремятся интегрироваться в этот институт и формируют систему отношений как тип получения дохода.

Маловероятно, чтобы общественная эволюция привела к преобразованию института мафии в целый класс. Трудно представить сегодня такую экономику, где потребность в мафиозных услугах и структурах была бы неотъемлемой составляющей способа производства в целом. Также вряд ли кодекс мафиозного поведения станет в каком-либо обществе универсальным этическим идеалом. Во-первых, потому, что этот кодекс сам является производным от системы нравственной культуры (средиземноморской или японской). Во-вторых, основанный на жестокости и агрессии, которые монополизируются единицами, он не может служить всеобщим правилом, особенно при условиях глобализации принципов декларации прав человека.

Литература

1. Catanzaro R. Men of respect. A social history of the Sicilian mafia. N.Y.: The Free Press, 1992.
2. Arlacchi P. Mafia business: the Mafia ethics and the spirit of capitalism. London: Verso, 1986.
3. Штёльтинг Э. Мафия как метод // Рубеж. 1995. № 6-7.
4. Gambetta D. The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. HUP, 1993.
5. Understanding organized crime in global perspective: a reader / Ed. By P. Ryan. London: GAGE, 1997.
6. Lampe K. von. Organized Crime: Begriff und Theorie organisierter Kriminalität in den USA. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1999.

7. Cressey D. Theft of the Nation — The Structure and Operations of Organized Crime in America. N.Y.: Evanston, 1969.
8. Волков В. Силовое предпринимательство в современной России // Социс. 1999. № 1.
9. Weber M. Economy and Society. Berkeley: CUP, 1978.
10. Historical Institutions and Contemporary Problems in Transition Economies: Understanding the «Blood Revenge» Institution. Research paper presented by Sinioutine Mikhail at the Western Social Science Association 41st Annual Conference. April 22-24, 1999. Fort Worth, Texas, USA.
11. The Economics of organized crime / Eds. G. Fiorentini; S. Peltzman. Cambridge: CUP, 1995.
12. Sterling C. Octopus: The Long Reach of the International Sicilian Mafia. N.Y.: Norton, 1990.
13. Senate Bill 678, 90th Congress Record 25.01. 1967.
14. Kaplan D., Dubro A. Yakuza: The Explosive Account of Japan's Criminal Underworld. Massachussets: AWP, 1986.
15. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центр-полиграф, 1994.
16. Сталин И. Сочинения. М.: ОГИЗ, 1947.
17. Boettke P. Why Perestroika Failed. The Politics and Economics of Socialist Transformation. London; N.Y.: Routledge, 1993.
18. Winiecki J. Resistance to Change in the Soviet Economic System. A Property Rights Approach. London; N.Y.: Routledge, 1991.
19. Handelman S. Comrade Criminal: The Theft of the Second Russian Revolution. London: Michael Joseph, 1994.
20. Дикселиус М., Константинов А. Бандитская Россия. СПб., 1997.
21. Дикселиус М., Константинов А. Преступный мир России. СПб., 1995.
22. Овчинский В. Мафия: необъявленный визит. М., 1993.
23. Овчинский В. Стратегия борьбы с мафией. М., 1993.
24. Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1994.
25. Яковлев А. Социология экономической преступности. М., 1988.
26. Blasi J., Kroumova M., Kruse D. Kremlin capitalism: the privatization of the Russian economy. Ithaca: CUP, 1997.
27. Гуров А. Красная Мафия. М., 1995.
28. Фроянов И. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999.
29. Организованная преступность / Под ред. А. Долгова. М., 1993.
30. Raith W. Das neue Mafia-Kartell: Wie die Syndikate den Osten erobern. Berlin: Rowohlt, 1994.
31. Sterling C. Crime Without Frontiers. London: Little Brown, 1994.
32. Sterling C. Thieves' World: The Threat of the New Global Network of Organized Crime. N.Y.: Simon & Schuster, 1994.
33. Commons J. Legal Foundations of Capitalism. Madison: UWP, 1957 (1924).